

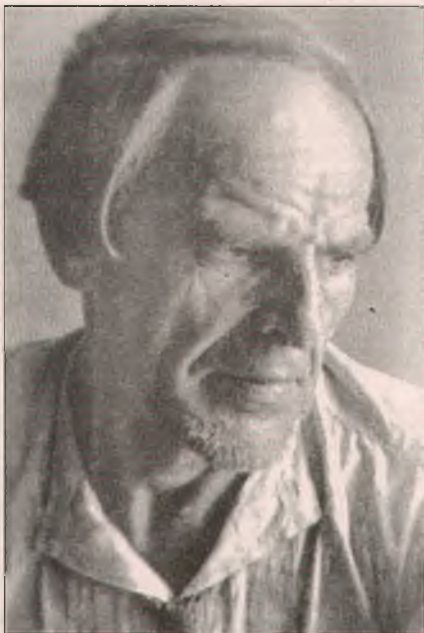
«Я – для всех и ничей»

ВНЕ ВРЕМЕНИ

В Ярославском художественном музее открылась выставка работ Михаила Ксенофонтовича Соколова, приуроченная к 120-летию со дня рождения художника. Выставка – одна из многих аналогичных, прошедших в последнее десятилетие и в Москве, и в Петербурге, и во многих других городах России, не исключая Ярославль, и за рубежом. Однако ярославскую премьеру можно назвать самой масштабной. Отбор произведений из двух самых значимых музейных коллекций, хранящих наследие мастера (ЯХМ и Третьяковской галереи), а также презентация книги «Михаил Ксенофонтович Соколов. К 120-летию со дня рождения» определили уровень и уникальность этого проекта.

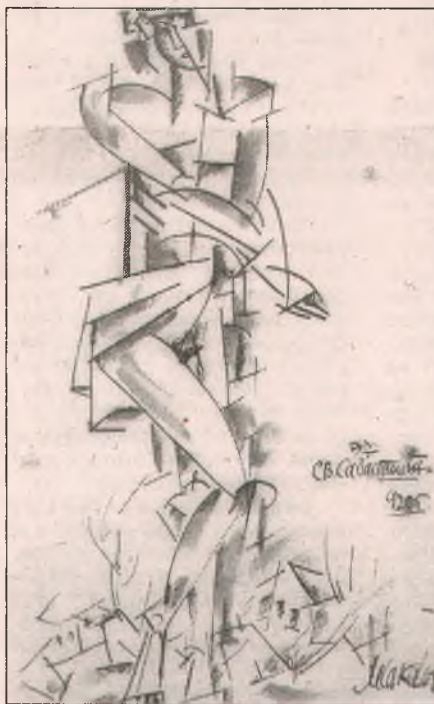
Михаил Соколов, пожалуй, самый яркий художник, которого дал Ярославль отечественному изобразительному искусству начала XX века. Выходец из мещан, не получивший систематического образования (хотя и учился в Строгановке на деньги одного ярославского купца), он всю жизнь тянулся к культуре не просто высокой, но аристократической, рафинированной. Михаил Ксенофонтович по природе своей был Дон Кихотом от живописи, одиноким и верным рыцарем искусства. На его воображаемом щите по праву могло быть выгравировано старинное изречение «Жизнь коротка, а искусство вечно».

«Чей он ученик? Ничей. И вместе с тем у всех учится. Кажется, нет такого направления, которому он не отдал временной дани. Для кого он пишет? Ни для кого. И стало быть, принадлежит всем, кто предьявляет на него законное право. Если бы он был знаменитостью и его имя служило украшением художественных группировок, то иные направления могли бы перессориться из-за него... И

вместе с тем перед нами – настоящий, доподлинный художник», – так охарактеризовал в 1929 году известный искусствовед Д. С. Недович творчество и личность Соколова.

В истории искусства Михаил Соколов сохранился как отдельная художественная «единица», хотя прошел через все живописные увлечения своего времени – импрессионизм, кубизм, футуризм.

Фоторепродукция Вячеслава ЮРАСОВА.

Именно преподавание в духе авангардных течений привело Соколова в 23-м году в Москву, в мастерские ИЗО Пролеткульта. «Все это было прелекой глупостью, но все же как это было хорошо! Сколько было веры в «истину всяких измов», – напишет художник позднее.

Некоторое время спустя, уже наигравшись с «измами» и прочими «превеликими глупостями», художник создает пронзительный по своему лирическому звучанию цикл живописных работ «Уходящая Москва». Работая короткими, цепляющими мазками, он словно стремится удержать открывшийся ему образ. Романтизм природы, исчезающей под неукротимым напором времени, становится для художника внутренней реальностью, бесконечной и гармоничной.

Кроме городских пейзажей

в проекте представлены графические листы из циклов «Страсти», «Воображаемые портреты», «Французская революция», иллюстрации к романам Диккенса, многочисленные натюрморты, портреты, пейзажи.

Отдельное место в экспозиции занимает миниатюра – это «лагерное наследство» художника. Осенью 1938 года он был приговорен к семи годам «во глубине сибирских руд», и здесь на крошечных обрывках бумаги вновь оживают вопреки всему излюбленные герои Михаила Ксенофонтовича: всадники, прекрасные дамы, литературные персонажи. «Маленькая большая живопись» – так писал об этих миниатюрах ученик мастера

Николай Леман.

«Искусство Соколова чисто. Оно имеет свой масштаб и свое место в истории русской графики и живописи XX века. Место почтенное. Мастер свободный, независимый от догм и предельно жестких требований социума того исторического промежутка, в котором ему привелось работать. Соколов мечтал не замечать время, как оно идет и куда. Он верил, что время в искусстве существует вне конкретного момента. Он был наивен и прав» – это строки из статьи о художнике историка искусства В. И. Ракина.

То, что искусство М. К. Соколова стоит вне времени, было ясно и его современникам, и с каждой новой выставкой открывается и нам, его сегодняшним зрителям и поклонникам.

Лариса ДРАЧ.